

## ЖЕСТОКИЙ АСПЕКТ «ЭТИКИ» СПИНОЗЫ

*Д.А. Граханов*

В статье разбирается проблема интерпретации некоторых ключевых положений «Этики» Спинозы, связанных с онтологическим осмыслением универсального качества неизменного совершенства мира при наличии в нем известного ряда несовершенств. Предлагается разбор важных и вместе с тем противоречивых мыслей известного философа с целью обнаружения актуальных связей, реанимирующих спекулятивные интеллектуальные исследования эпохи барокко для современного способа понимания онтологических и аксиологических тем. Кроме того, рассматривается возможность эстетического основания этического содержания основного труда Спинозы.

Ключевые слова: этика, субстанция, совершенство, индифферентность, реальность, удовольствие, разум.

*Под реальностью и совершенством я разумею одно и то же [1].  
В природе все происходит в некоторой вечной необходимости и в высочайшем совершенстве [1].*

*Все, что только существует, существует в Боге, и без Бога не может ни существовать, ни быть представляемо [1].*

*Бenedикт Спиноза*

Изучение основного труда Бенедикта Спинозы «Этика» позволяет связать эстетику барокко с современным художественным сознанием, а классическую этику соотнести с аморальным диалектическим пантеизмом. Жестокая этика Природы и пантеистическая эклектическая эстетика Мира в размышлениях Спинозы исходят из субстанции Бога, рожденной самой из себя по причине самой себя. Текст «Этики» является подлиннейшим философско-эстетическим основанием стиля барокко в искусстве. И сам

характер его этики онтоэстетический. Но в данной статье мы более сосредоточимся на этической проблематике. Основной движущей причиной повлиявшей на желание рассудить знаменитую этику Спинозы можно назвать противоречие между понятием общечеловеческого истинного добра и понятием мира как совершенства. Идея необходимости человеческого совершенствования, улучшения и преобразования человеческой природы, которая ясно просматривается в «Этике», противоречит идее раз и навсегда законченного совершенства мира, где все устроено так, как необходимо следует из вечной божественной природы. Это противоречие оказывается непротиворечивым, если попытаться связать некоторые ключевые идеи, изложенные в вышеуказанном труде Спинозы. Но это непротиворечивая связь идей сохранит в себе характер провокационной проблемности, которая интенсифицирует современный процесс философского мышления. Если мир есть совершенство, значит, он неизменен в своей вечной определенности, он совершенся. Все изменчивые процессы, совершающиеся в мире, есть необходимые части всеобщего совершенства. Здесь нужно различить этику мира и человеческую этику. Нам показалось, что Спиноза, в конечном счете, связывает их в гармоническое и жесткое целое: жесткое по отношению к человеку, естественное по отношению к миру.

Мы приведем ряд цитат из этого трактата с целью вдумчивого анализа мыслей философа. Анализ позволит выстроить современную интерпретацию, актуализирующую значение этих мыслей. Этот ряд цитат необходим для того, чтобы с максимальной возможностью суметь не отклониться от самой мысли философа и при этом иметь эстетическое удовольствие созерцать те из них, которые особенно подчеркивают аспект, выбранный для рассмотрения в данной статье. В состав методологии Спинозы, как мы укажем еще ниже, входит эта неразрывность эстетического созерцания и философского мышления.

Вот, к примеру, Спиноза писал: «Мы видим, что люди привыкли называть естественные вещи совершенными или несовершенными более вследствие предрассудка, чем вследствие истинного познания их <...>. ... природа не действует по цели; ибо то вечное и бесконечное существо, которое мы называем Богом или природой, действует по той же необходимости, по которой существует, – мы показали, что, по какой необходимости природы оно существует, по той же оно и действует <...>. ... природа существует не ради какой-либо цели, так и действует не ради какой-либо цели; но как для своего существования, так и для своего действия не имеет никакого принципа или цели» [1]. Все что существует – исходит из Природы, а значит из самого себя, как из Природы. Все существующее и есть Природа-Бог-Субстанция. Цель универсума здесь не надумывается. Образ бога не антропоцентрируется и мифологически не определяется. Спиноза представляет бога и мир в неопределенности и бесконечности, невообразимости, но

совершенстве и завершенности. Странность диалектики здесь проявляется в том, что бесконечность как потенциальность развития мироздания мыслится как завершенное совершенство субстанции. Но, не смотря на вышеприведенную мысль Спинозы, ниже в своем тексте он указывает на то, что существуют несовершенные индивидуумы, содержащие менее бытия, те на которых природа погрешила [1]. Но первая мысль сильнее и обширнее, она перекрывает вторую, включает ее в свой объем, и кажущееся противоречие разрешается видом идеи совершенства всего сущего. То, что она сильнее, может быть, субъективное мнение нашей интерпретации, но та сильная настойчивость (в частом повторении) ее в тексте поддерживается мощью интереса к ней самого философа. И тогда получается, что несовершенные индивидуумы, отдаленные от «предначертанного образца человеческой природы» с точки зрения «истинного познания» естественно вписываются в субстанциальный порядок мира и лишаются для индифферентного сознания характера несовершенства. Или не лишаясь этого характера, они являются частью совершенной сферы мира [1]. Здесь Спиноза близок, например, даосам, в их не различении добра и зла, в их мысли о гармонии любви и ненависти. Но мысль Спинозы противится такой ровности выводов, такой складности просветленного спекулятивного баланса. Он спорит внутри своего концепта с частями его составляющими. Но такой спор выражен последовательностью философских теорем. Например, теорема 42 части 4 спорит с теоремой 43 этой же части. Но осмысляя их совместно можно помыслить событийную мысль между строк, которая усложняет идею и растворяет предыдущие эксплицитные соображения в сфере новой имплицитной мысли, кажущейся более фундаментальной и близкой пантеистическим обзорам самого Спинозы. Итак, читаем: «Теорема 42. Веселость не может быть чрезмерной, но всегда хороша, и наоборот – меланхолия всегда дурна» <...>. Теорема 43. Приятность может быть чрезмерной и дурной, боль же может быть хорошей постольку, поскольку приятность или удовольствие бывают дурными» [1]. Приятность есть веселость, а боль есть меланхолия. Очевидная противоречивость этих теорем по отношению друг к другу оборачивается их диалектическим единством. Меланхолия дурна, но она и хороша относительно дурной веселости. Она иногда близка самому удовольствию, а значит, является добром, например, читаем в тексте: «Под добром я разумею здесь всякий род удовольствия и затем все, что ведет к нему, в особенности же то, что утоляет тоску, какова бы она ни была; под злом же я разумею всякий род неудовольствия и в особенности то, что препятствует утолению тоски» [1]. Между строк мыслим, таким образом, что иногда меланхолия утоляет тоску. Это только один пример того, что в тексте «Этики» достаточно часто встречаются плодотворные для мысли противоречивости, которые при этом обитают в сфере гармоничного бытия субстанции, заданного самим Спинозой.

Идею жестокого и разумного желания отсутствия сострадания извлекаем из следующего фрагмента книги: «Кто обладает правильным знанием того, что все вытекает из необходимости божественной природы и совершается по вечным законам и правилам природы, тот, конечно, не найдет ничего, что было бы достойно ненависти, осмеяния или презрения, и не будет никому сострадать» [1]. Следуя его мысли до предела, можно добавить, что ненависть, осмеяние и презрение – это такие аффекты, которые есть необходимые части всеобщего гармонического совершенства. Эти аффекты эффективны в гиперконтексте всеобщего существования. Мысль Спинозы движется порывами. Она размерена и разумна, но по своему существу неразумна и потенциальна для предельных аморальных, но универсальных суждений. Рассуждая правильно в контексте человеческого общежития и цивилизованного бытия, он все же между строк движет мысль за пределы этого, он движется вслед особенной мысли, силу которой не удержать. Эта мысль универсальна до предела и обладает характером рационального агностицизма, знающего свои эпистемологические возможности. С одной стороны, она априорная, так как исходит из интуиции ума, с другой стороны, она эмпирическая, так как основывается также и на фактах жизни и личных наблюдениях философа. Таким образом, этическая истина добра оборачивается антиэтической истиной индифферентного созерцания. К примеру, Делез так описывает свое мнение от схолий «Этики»: «Схолии сами по себе образуют книгу Гнева и Смеха, как если бы то была анти-Библия Спинозы» [3].

Представим ниже две несколько противоречащие мысли из того же труда Спинозы: «Каждый существует по высшему праву природы, и следовательно, каждый по высшему праву природы делает то, что вытекает из необходимости его природы <...>. Если бы люди жили по руководству разума, то каждый обладал бы этим своим правом без всякого ущерба для других» [1]. Но по мысли того же Спинозы, Бог совершил совершенный мир именно таким, а не иным. Поэтому мы вправе сказать, следуя вполне оправданному пафосу (мир=бог=совершенство) философа, что не все люди живут по руководству разума и некоторые из них причиняют ущерб друг другу именно по божественной необходимости. Жестко равнодушная подспудная мысль движется по линии истины Жизни, минуя идеалы человечности. В его мысли имплицитно, а кое-где и эксплицитно выражена сама жизнь во всем ее совершенстве, противоречивости, эстетическом блеске и этической жестокости. Эту связь пантеизма Спинозы и философии жизни развернуто и аргументировано проводил Жиль Делез в своих исследованиях. По его мысли Спиноза создает органическую связь между понятиями субстанция, бог, природа, жизнь, которые вытекают друг из друга и тождественны между собой сущностно, а именно в том, что они есть в себе и из себя. Читаем в тексте Делеза его описание портрета Спинозы: «Как же

объяснить то впечатление, какое производит столь скудная, лишенная достатка жизнь, подрываемая болезнью, столь тщедушное, хилое тело, столь суровое, овальное лицо со сверкающими черными глазами – впечатление, будто они залиты самой Жизнью, обладают мощью, тождественной этой Жизни?» [2]. Этот риторический вопрос звучит тезисом о том, что образ жизни мыслителя, его телесное состояние неразрывно связаны с его образом мысли и его духовным состоянием. Жизнь и мысль, тело и дух находятся в постоянном взаимодействии, взаимовлиянии, противоречии. Этим Делез замечает пронизанность философии Спинозы жизнью, природой, субстанцией, вечными самопричиняющимися сущностями. Дух (Бог) Спинозы как будто материален, а материя Природы (Бога) видится одухотворенной мыслью о ее (природы) субстанциальности, абсолютности. Делез вставил бы сюда понятие Жизни. И тогда Жизнь от природы представится божественной и одухотворенной, но и жестокой и мощной. Фундаментальная мысль Спинозы как будто есть образ самой Природы. Мысль и бытие есть одно, как по Пармениду, так и по Ницше. В этом они едины. Бытие и природу мы в данном случае не разводим. Субстанциальная сущность природы есть бытие. В связи с этим человеческая этика материалистична, насквозь от природы порочна. Изменить ее природу почти невозможно, так как она входит в само неизменное совершенство бытия. Но есть возможность посредством разума принять ее в ее природе, и это принятие отрешает мыслителя, с помощью этой принимающей разумной мысли, от природы самой этики. Отрешенность есть тотальная включенность, но абстрагирующая. Абстрагироваться от жизни путем принятии ее в понятии всей ее целостности. Это не означает пассивного созерцания. Такое абстрагирование происходит параллельно естественной и необходимой включенности в жизнедеятельность. Исправление человека и общества с помощью руководящих принципов разума не исправляет природы человека и общества коренным образом. Но борьба разума и природы здесь воспринимается как неизменная гармония, которая не позволяет развратиться как разуму (в своем самомнении), так и природе в человеке. Вся эта борьба духа и тела, разума и природы оказывается в контексте понимания неизменной субстанции. В любом случае, «Этика» не позволяет остановиться мысли на одной крайности противоречия. Беспокойство фундаментальной мысли Спинозы противоречиво по данному ее определению. Спокойствие фундаментальных мыслей делает беспокойным мышление всего остального, так оно уподобляется всему универсуму, который сам по себе пребывает в беспокойном покое.

Задается необходимость всех существующих вещей. Вещь это «есть» (А.Б. Невелев). Все вещи это «ести» (естественны для этого мира), то есть все что есть. Есть это бытие. Это постижение всех вещей как необходимых частей целого бытия заслуга разума, онтологической мысли. Таким обра-

зом, снова возвращаемся к парменидовскому тождеству бытия и философской мысли. Спиноза в этом смысле находится в контексте этой философии: «Природе разума свойственно рассматривать вещи как необходимые, а не как случайные. Эту необходимость вещей разум постигает правильно, т.е. как она есть в себе. Но эта необходимость вещей есть сама необходимость вечной природы Бога» [1]. Универсальность взгляда разума на все вещи, как на необходимые создания мироздания кажется пугающей. Разум созерцает абсолютно все существующее как необходимое, а это означает, что все принимает, как истину того что есть. Такой разум есть не совсем разум, в нем есть что-то предельно неразумное, в нем есть что-то от самой действительности, которая как будто лишена человеческого разума, но является высшим «разумом» Природы, постичь закономерности, либо случайности которого, человеческий разум не в состоянии. Отсюда следует, что человеческий разум часто и проявляет себя, как нечто отличное от «разума» Мира, он создает этический идеал, спасающий человека от «этики» мира. Эти тезисы, пугающие своим подобием равнодушной действительности, схожей с реальностью бездны космоса, в «Этике» Спинозы укладывают идиопатическую базу его генерального концепта, базу, повторяем, тождественную самому субстанциальному Ничто. Эстетическое созерцание жестокой этики мира, созерцание-чтение текста Спинозы схоже с переживанием возвышенного при взгляде на земные или космические просторы.

Любовь к богу, уподобление богу в этой любви, подражание богу в индифферентности, в божественном не различении добра и зла. И эти мысли Спинозы опять же можно назвать жестокими в своем равнодушии к данному различению, но и благими, для умеющего субъекта их адекватно объективно этически воспринять. Этика равнодушия и смирения перед природными картинами борьбы между добром и злом, жизнью и смертью, любовью и ненавистью – тождественна бытию самой субстанции, самому Богу: «Я должен признаться, что означенное мнение, все подчиняющее какой-то индифферентной воле Бога и все ставящее в зависимость от его благосоизволения, менее уклоняется от истины, чем мнение тех, которые полагают, будто Бог все производит под идеей блага» [1]. Далее мы представим вывод умозаключения, используя в качестве посылок две теоремы Спинозы, который (вывод) и без этого часто встречается в тексте и подспудно, и явно. Если «Бог свободен от пассивных состояний и не подвержен никакому аффекту ни удовольствия, ни неудовольствия», а «Познающий себя самого и свои аффекты ясно и отчетливо любит Бога, и тем больше, чем больше он познает себя и свои аффекты» [1], то познающий себя таким вот образом уподобляется божественной свободе от пассивных состояний и не подвержен никакому аффекту ни удовольствия, ни неудовольствия. Не можем не представить в связи с этим еще одну мысль Спи-

нозы: «... смерть тем менее приносит нам вреда, чем больше то ясное и отчетливое познание, которым обладает душа, и, следовательно, чем больше душа любит Бога» [1]. Это равнодушие перед смертью выдает восхищение перед всеобщим порядком бытия, где все устроено так, как устроилось. Этическая индифферентность созерцающего мыслителя является волнующим удовольствием от того, что есть.

Эта этика имеет онтологический характер, а не антропологический. Эта этика является основой эстетического созерцательного преодоления антропологических противоречий. Поэтому этику Спинозы, нам кажется, можно обозначить и эстетической. Короче говоря, онтоэстетической этикой. Здесь значение имеет эстетическое удовольствие (наслаждение, истинное блаженство) от мыслительного созерцания данного Богом порядка, вещей, эффектов мира и аффектов человека [1]. Любовь к Богу-миру, переживание любви к разуму, ведущему к этой любви, является «истинным душевным удовлетворением» познающего субъекта. Это и есть онтоэстетическое существо этики Спинозы, которое он в самом конце своей книги называет прекрасным, трудным и редким [1]. Такое удовольствие от его текста усиливает Жиль Делез в своих замечаниях. Характер делезианского философствования близок вкусу эпох маньеризма и барокко, поэтому онтоэстетическое начало этики Спинозы Делезом наиболее экспрессивно выражено в его сборнике «Критика и клиника». Он особенно сосредотачивается на образе текста «Этики», как геометрическом кристалле, состоящего из определений, аксиом, теорем, доказательств, короллариев и схолий, и видит в нем стихии, потоки и скорости, эстетически концентрировано и каждые специфически по своему, выражающие характеры и напряжения мыслительных раскладов Спинозы.

Ниже можно подвести некоторые итоги прочтения «Этики» Спинозы. Эта этика и сегодня кажется опальной, так как слишком спокойно ее отношение к существованию зла и несправедливости. Они воспринимаются как неизбежности и как необходимые части субстанциального мирового орнамента. Не смотря на то, что человеческое сущее пронизано пороками, это сущее является закономерной частью совершенной природы и бытия. Эта мысль не новая, но и не старая, так как имеет актуальное звучание во всякий исторический период. Можно возразить здесь и назвать мир, бога и природу несовершенными, отказать им в гармонии, оставить им одно свойство: свойство присутствия. Устранить понятия бога, гармонии и совершенства, и оставить понятия мира и природы. К тому же, у самого Спинозы бог оказывается пантеистическим понятием, что означает его растворение с миром. Стоит ли отказывать миру в совершенстве? Этот вопрос остается открытым и его невозможно закрыть каким-либо позитивным или негативным ответом. Заслуга мысли Спинозы в том, что она утверждает мир таким, какой он есть; предлагает понимать природу, исходя

из нее самой; принимать проблемы жизни стойко и спокойно, как порядок вещей; любить мир и радоваться ему, так как это есть добро удовольствия самого факта жизненного присутствия человека в мире. Эстетическая основа его этики, кажется, имеет место быть. Именно это и делает ее порочной и барочной. Барочная реабилитация материальности и удовольствия очевидна в текстах Спинозы. Аморальному приятию всего универсума как совершенной гармонической данности не может быть отказано в мудрости. Возмущающее свободомыслие, пугающее своей бесцельностью, беспредельностью и высокой скоростью связывания посылок умозаключений – объясняет опальность и популярность трактатов Спинозы. Философия естественна, честна и жестока, как сам мир. В этом смысле Спиноза близок Ницше. Он близок в этом и восточной философии, так как она не противостоит миру, а ему тождественна. Подобное представление о философии – одно из многих, но оно не претендует на антропологическую этическую истинность, но оно истинно, как истинна наличность всего что есть.

В итоге, устраняя задачи методологий апологетики и критики по отношению к объекту нашего рассмотрения, нами видится комплекс прекрасных по структуре и возвышенных по содержанию мыслей Спинозы. Они не предназначены для полезного юридического или какого-либо еще научного использования. Они не могут быть использованы как основание какой-либо современной идеологии, также как и педагогики. Эти мысли не обязаны обществу в соблюдении идеалов морали и будущего цивилизации. Но они имеют актуальный интерес для каждого человека, человека готового снять на время со своей способности мышления и воображения смыслообразующую нравственную антропную сетку с тем, чтобы оценить красоту бытия в целом, ясно обозревая и его уникальные частности, противоречия и проблемы. Поэтому эти мысли имеют эстетическое актуальное значение онтологического характера, либо онтологическое актуальное значение эстетического характера.

#### Библиографический список

1. Спиноза, Бенедикт. Этика / Б. Спиноза. – М.: Издательство «Академический проект», 2008. – 336 с.
2. Делез, Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму / Ж. Делез. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 480 с.
3. Делез, Ж. Критика и клиника / Ж. Делез. – СПб.: Издательство «Machina», 2002. – 240 с.

[К содержанию](#)